

Александр Нахимов

ВОЙНА, СЕМЬЯ, ДРУЗЬЯ

— П о в е с т ь —

— Р а с с к а з ы —

Александр Нахимов
Война. Семья. Друзья

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Нахимов А. В.

Война. Семья. Друзья / А. В. Нахимов — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Данная повесть посвящена молодому парню, который после окончания школы добровольно ушел на фронт. На его долю выпали тяжелые испытания и нелегкий выбор дальнейшего жизненного пути, исходя из тех ситуаций, в которых он оказался. Рассказы посвящены школьникам, которые, несмотря на свой возраст, имели свой взгляд на многие жизненные вопросы. Юмор - главная составляющая этих рассказов.

I

Сентябрь 1940 года в Челябинске выдался теплым и дождливым. Прошедшее лето было сухим и жарким, поэтому первый месяц осени компенсировал горожанам дефицит влаги и ветра. Дождю, казалось, не будет конца. Он уходил и возвращался вновь. Стучал по гулким крышам домов днем и ночью, барабанил в окна своим монотонным перестуком. Капли дождя ложились на стекло и стекали вниз, как слезы. Город как будто завяз в липком сыром тумане. Иногда неожиданно налетевший теплый ветер ерошил мокрую листву, сдувая с нее капли осенних ливней. Тяжелое сине-сиреневое небо отражалось в огромных лужах...

Десятиклассник Коля Крапивин возвращался домой из школы в приподнятом настроении. Уроков на сегодня задали немного, в связи с этим можно больше потренироваться в секции бокса... А вечером он должен встретиться с друзьями в небольшой роще за гаражами.

На ринг пацан выходил уже четыре года. Три месяца назад Николай выиграл первенство города в весовой категории до семидесяти килограмм. Перспективы у него имелись хорошие, так, по крайней мере, говорил его тренер Николай Васильевич. Но сам спортсмен в последнее время немного охладел к этому виду спорта. Почему? Он сам толком понять не мог.

Во время каникул на учебном полигоне предприятия, где работал его отец, Колька попробовал стрельбу из винтовки и пистолета. Это занятие так его захватило, что Крапивин несколько раз пропустил тренировки на ринге, а в августе школьник выполнил на «отлично» нормативы из обоих видов оружия. Его мысли прервал громкий голос друга и одноклассника Дениса Варина.

Старый Челябинск

– Колян, за гаражи сегодня приходиться опасно, т.к. местная блатная публика объявила на нас охоту. Они хотят реально побить нашу компанию.

– Откуда информация, дружище? – поинтересовался спортсмен.

– Лизка Чукова слышала разговор этих гопников, когда возвращалась из магазина. Вот!!!

– Ладно, – спокойно сказал Колька. – До вечера еще много времени. Так что разберемся... Давай так, я поработаю на ринге, а ты предупреди всех ребят: Мишку, Вована и девчонок. Встретимся в шесть вечера за нашим домом.

– Понял, Уважаемый! – с этими словами Варин повернул в переулок.

Крапивин быстрым шагом прошел в свою комнату и бросил на диван портфель. С кухни доносились чудесные ароматы. Это

мама, Татьяна Викторовна, жарила котлеты и варила вкусный борщ.

Конечно, шли приготовления, чтобы вечером встречать друзей семьи.

Сын съел пару котлет и поинтересовался:

– А кто сегодня нас посетит?

– Наши немецкие друзья: Бруно Мюллер и Отто Ноймер.

– Очень хорошо, мама.

– Не опаздывай, сынок. И не лезь ни в какие разборки, – успела вдогонку сказать Татьяна Викторовна.

Тренировался мальчишка с хорошим настроением, предвкушая встречу с немецкими друзьями и надеясь услышать много интересного.

Партнер по спаррингу был постарше на два года, среднего роста, широкий в плечах и на три-четыре килограмма тяжелее Крапивина. Сам Колька – худой, высокий (почти 185) – двигался легко, часто менял направление и ловко уходил от мощных ударов соперника. К концу второго раунда Николай слегка присел под движение правой руки боксера напротив, а затем плотным ударом в подбородок отправил на пол партнера. Тренер похвалил ученика и велел готовиться к первенству области.

Быстрым темпом Крапивин шагнул в сторону дома. Решив сократить путь, повернул в большую арку, остановился и достал из сумки недопитую бутылку воды. Неожиданно в темный проем забежал Бруно Мюллер, сослуживец отца по работе, с высоко поднятым воротником и в широкой шляпе.

– Колька, привет! Извини, но времени совсем нет. Меня преследуют – подробности потом...

– Дядя Бруно, впереди во дворе сушится белье, поворачивайте налево и между тряпками и подъездом бегите к деревянному забору. Там вторая доска с краю не прибита. Потом небольшой овраг и кусты...

Немецкий «инженер» молча рванул в указанном направлении.

Мальчишка вновь поднес ко рту бутылку, но выпить воды снова не получилось...

Послышались быстрые шаги, и перед ним появились трое мужчин в гражданской одежде. Один из них – его сосед снизу Дмитрий Олегович Криворучко.

– Юноша (скорее всего, Крапивина он не узнал), не видел, куда побежал высокий мужчина в черной куртке и большой шляпе?

Колька растерялся, ничего не сказал и лишь махнул рукой в правую сторону. Сотрудники НКВД побежали совсем в другом направлении.

После этого случая пацан ни раз вспоминал этот странный эпизод. Но полную ясность получил через несколько лет...

В шесть часов за трехэтажкой собрались лучшие люди улицы Ворошилова, которые учились в одной школе и проживали в соседних домах: Мишка Семенко, Денис Варин, Вован Пучков, Колька Крапивин и две девчонки. Пара бутылок газировки быстро прошли по кругу. Затем Михаил, по кличке Михалыч, начал вечернее совещание:

– Какие будут предложения, народ?

– Разойтись по домам, – предложила Ритка Шишкова.

– Ритуля, помолчи лучше и слушай, что говорят солидные люди, – предложил Денис.

– По-моему, удирать точно не стоит от этой гопкомпании, – предложила Лиза Чукова.

– Полностью поддерживаю ее, – вступил в разговор Вовка. – Они нам назначили для разборок место за гаражами? Так вот, надо напасть неожиданно и наказать компанию Бардина жестко и красиво....

После этих слов Пучков с улыбкой посмотрел на друзей. Возникла небольшая пауза.

– Смотрите, друзья! Думаю, поступить надо так... Нас всего шестеро, а их не меньше пятнадцати, поэтому в открытую воевать с этой бандой очень опасно. Кто «против»? – спросил Колька.

После минутного молчания, которое явилось знаком согласия, ребята услышали гениальный план Крапивина...

– Встреча у нас с группировкой Бардина и Зайкова назначена на семь вечера – это факт! Далее, одолеть этих гопников, которые сильно превосходят нас численно, будет сложно. Поэтому начинаем действовать быстро, неожиданно и решительно...

После семи вечера, собравшаяся за гаражами братва, стала нервничать, так как избить «врагов» сегодня вряд ли удастся. Решили разойтись по домам. Пацаны были очень злыми,

поэтому свою злость вымещали на всех и всём, что попадалось на пути. Проезжавшего мимо мальчишку на велосипеде столкнули в небольшую яму, пнули собаку, которая так не кстати встала на их пути, вырвали цветы, кем-то посаженные в клумбе у трехэтажного дома.... Как вдруг перед ними возник отличник учебы Леня Большов, который, побледнев, встал как вкопанный, увидев этот «табор». Его сумка взлетела вверх и повисла на высоком дереве. Несколько пинков и пара подзатыльников отличнику немного смягчили гнев местных «бандитов». Были перевернуты пять скамеек, а на заборах появились прикольные оскорбления в адрес нескольких учителей и почти всех друзей Крапивина.

Тем не менее количество хулиганов уменьшалось, многие отправились по домам, поэтому Бардин, Зайков и еще трое подельников на родную улицу Островского вышли спокойно, не ожидая никаких проблем. Главари гопников жили в старой деревянной двухэтажке, которую построили еще в 19 веке. А остальные – чуть дальше. Путь их лежал через длинную и высокую арку, за углом которой расположились Колька, Вован, Денис, Лизка и Ритка. Михайч находился в глубине двора на высоком дереве и при появлении группы местной блатоты дал специальный сигнал друзьям.

Денис Варин 1940 г.

Жорка Бардин, по кличке Сударь, был среднего роста, очень плотного телосложения и обладал большой физической силой. Десять раз поднять 32-х кг. гири не мог даже Крапивин. Учился он неплохо, но регулярные пропуски уроков сказывались на оценках.

Витька Зайков, по прозвищу Музыкант (так его звали школьники и учителя из-за его умения красиво играть на нервах у всех порядочных людей), вырос длинным и очень шустрым. Лучше него короткие дистанции не бегал никто. Непонятно, по каким причинам он считал, что любой нормальный парень должен обязательно отсидеть в тюрьме. Соответственно, такие мысли отражались на его поведении и внешнем виде. Разговаривал со сверстниками и даже с учителями приклатненным голосом и участвовал почти во всех потасовках, ввиду чего у него отсутствовал верхний передний зуб. Остальные ребята для них с Жоркой являлись обычными шестерками. Держа руки в карманах, гопники в прекрасном настроении вошли в арку. Вдруг из-за угла на них вышли их давние противники и уверенно пошли навстречу. В трех метрах обе компании остановились. Колька спокойным и уверенным голосом поинтересовался:

– Ну что, «быки», кто-то хотел с нами пообщаться и научить нас достойным манерам?

Неожиданно, оттеснив Сударя, вперед вышел Витек и, раскинув пальцы веером, начал базар не совсем по теме:

– Я не понял, что это за «детвора» перекрыла нам дорогу? Быстро расступились, волки!!! Иначе вы всю оставшуюся жизнь будете жалеть о сегодняшнем вечере и работать на лекарства!!!

Жорка в это время, не вынимая рук из карманов, внимательно наблюдал за происходящим и, как всегда, что-то жевал.

– Георгий, выходи один на один, а потом подключатся все остальные. Это будет, по моему, справедливо? Иначе твой корешок останется вообще без зубов, – предложил Крапивин по кличке Милорд (так его величали ребята из противоборствующей группировки).

Бардин, сжав пальцами свинцовый кастет, уверенно двинулся вперед. Николай тоже сделал два шага навстречу.

Сильный круговой взмах руки главаря ..., но Милорд успел пригнуться и резким ударом снизу в подбородок заставил соперника быстро капитулировать. В этот момент перед глазами друзей мелькнули ноги Сударя, который, сделав полусальто назад, смачно свалился на бок, а кастет отлетел в сторону. Зайков попытался поднять свинцовую «игрушку», но Чукова плотным ударом ноги отправила отдыхать Витька рядом с другом. Остальные гопники развернулись и быстро побежали в обратную сторону. Догонять их никто не собирался.

Через пару минут пришли в себя побежденные кореша. Они грозились жестоко отомстить. Особенно разошелся Витька, у которого отсутствовали уже три зуба.

– Отойдем, – сказал Крапивин Бардину.

Георгий молча поплелся следом.

– Мой юный друг, я надеюсь, наш конфликт между компаниями закончен раз и навсегда? – продолжил Колька.

– Согласен, – ответил Жорка....

Ребята в хорошем настроении возвращались домой. Неожиданно полил сильный дождь, поэтому пришлось всем перейти на бег.

II

Спортсмен пришел домой около 9-ти. Гости все были в сборе. Быстро сбросив в таз мокрую одежду, ополоснувшись и надев чистый спортивный костюм, он вышел к знакомым.

Все кушали мамины котлеты, хвалили ее вкусные салаты. По старой доброй традиции разговор вели исключительно на немецком языке.

Бруно Мюллер и Отто Нойнер уже несколько лет работали на оборонном предприятии и запускали какое-то сложное и секретное оборудование. Соответственно, за это время Николай владел немецким языком почти в совершенстве и читал на нем некоторые книги. Немецкие друзья обещали после своего отъезда пригласить к себе в Берлин всю семью Крапивиных, поставив одно условие: Николай должен разговаривать в Германии не хуже местных жителей. Поэтому стараниям мальчишки не было предела. Бруно Мюллер подарил Татьяне Викторовне, маме Николая, свою новую картину, на которой изображен в оригинальной форме осенний лес недалеко от Челябинска. Кроме всего этого, их немецкий друг обладал талантами не только в рисовании и технических науках. Недавно на заводе пропал какой-то небольшой чертеж с печатью и, чтобы не поднимать шум, Мюллер за один вечер из каких-то подсобных материалов изготовил новую печать, которая по качеству превосходила подлинную.

Вскоре в гости зашел сосед снизу, сотрудник НКВД Дмитрий Олегович Криворучко. Это был очень высокий и худой мужчина лет тридцати пяти, со светлыми волосами, бегающими глазами и постоянно приоткрытым ртом. Маленькие очки и много веснушек на лице делали эту личность весьма не привлекательной для Кольки. Николай очень не любил этого офицера, так как чувствовал, что гость рано или поздно сделает их семье какую-нибудь подлость. Криворучко всегда хитро улыбался, целовал маме руку и постоянно обещал, что у семьи Крапивиных никогда не будет проблем, так как лично он обеспечивает их безопасность. Сожрав пяток котлет, выпив быстренько несколько стопок хорошего коньяка и проглотив, почти не разжевывая, три куска торта, сосед снизу пошел домой...

Без него вечер продолжился в более спокойной атмосфере: отец Игорь Сергеевич играл на гитаре, а все остальные подпевали. Только к полуночи Бруно и Отто отправились домой, а родители Кольки вышли их проводить.

Жизнь у Николая с этого момента не шла, а летела на одном дыхании. Учеба, спорт, друзья. Стычки с гопниками Бардина и Зайкова больше не продолжались, стало даже немного скучно. Новый Год наступил как-то буднично, правда, порадовала посылка из Германии, где находились сладости и деликатесы, которые оказались на праздничном столе.

Февраль 1941 года принес печальную новость: без объяснения всяких причин специальные органы не разрешили выезжать за границу семье Крапивиных. Мальчишка очень расстроился, так как какие-то чиновники лишили его возможности воплотить в жизнь давнюю мечту.

Холодным зимним вечером на уютной кухне семья в полном составе ужинала. Все были в неважном настроении.

– Папа, а почему не состоялась поездка в Германию?

– Понимаешь, этого и следовало ожидать, ты разве не замечаешь, что творится в стране? Колька вопросительным взглядом посмотрел на отца.

– Ладно, давайте спать, – ответил Игорь Сергеевич. – И поверьте мне, что это не самая большая проблема, которая в будущем может ожидать нас.

– Может, все не так плохо? – спросила мама.

– Не знаю, не знаю, – тихим голосом ответил глава семьи. – Кстати, вам не кажется странным, что у нас давненько не бывал Криворучко?

– Точно, – сказала Татьяна Викторовна. – Я его видела недавно около дома, он очень сдержанно со мной поздоровался и даже не поцеловал руку как обычно...

Только в марте Крапивину удалось немного забыть о зарубежной поездке, так как он готовился к первенству области по боксу. Тренировки проходили каждый день плюс 5-6 уроков в школе. На развлечения и разные мысли времени не оставалось.

Соревнования прошли относительно неплохо: выход в финал и поражение лишь по очкам. Причем судьи отдали предпочтение сопернику не совсем справедливо.

Однажды теплым мартовским вечером Колька шагал с тренировки. Неожиданно из-за угла появился Бардин, который нес сумку с продуктами. Отношения между пацанами давно нормализовались, и жить стало спокойнее всем.

– Ты откуда, Георгий? – спросил Колька.

– Да вот, мамка послала к тетке за хавкой. А ты что же, все лупишь физиономии своим ровесникам?

– Пойми, это спорт. Да и к армии надо готовиться. Такие вот дела, Жорка.

– Хочешь сказать к войне?

– Ты чего городишь, Сударь? Товарищ Сталин сказал о невозможности таковой.

– Иосиф Виссарионович много чего говорит и особенно делает, а доверчивые и наивные люди верят всему...

На стене дома культура висел огромный портрет вождя народов и смотрел на прохожих снисходительным взглядом с едва уловимой усмешкой. От таких откровенных высказываний своего знакомого будущий офицер на несколько секунд потерял дар речи. Крапивин осторожно оглянулся, посмотрел по сторонам, а потом тихо сказал:

– Ты с ума сошел? Сталин – наше все. Смотрит на несколько лет вперед, а нам, обычным гражданам надо просто верить ему и идти за ним, куда бы тот ни приказал.

– Хороший ты пацан, Милорд, но глупый и непонятливый, – продолжал Бардин. – Давай, присядем на скамейку.

Вокруг росло много деревьев, дышалось легко и свободно.

– Выпей лучше молочка, – Жорка достал из сумки большую бутылку и книгу «Три мушкетера».

Глотнув вкусный напиток, Колька успокоился и вопросительно посмотрел на ученика соседнего класса.

– Георгий, Дюма который раз читаешь?

– Второй. А сам сколько раз перечитывал?

– Что тут сказать, люблю я эту книгу, да и многие другие, – ответил Николай.

– Ты не горячись, спортсмен, а выслушай меня, – продолжал Бардин. – Твоя семья живет в большой и шикарной квартире. Батя, пока известный и уважаемый человек, получает большую зарплату. Вы несколько раз ездили на море. А я живу с матерью и двумя младшими сестрами в старом деревянном бараке в одной комнате с общим коридором. Отца арестовали полгода назад. За что? А ни за что. Просто высказал свое мнение о предстоящей войне и о том, как нашей стране придется тяжело. Кто-то стукнул, куда следует, ранним утром подъехала к дому темная машина и трое бесцеремонных товарищей увели единственного кормильца, предварительно перевернув всю комнату с ног на голову. Между делом исчезли все сбережения, на которые мы могли бы жить целый год. Младшая сестра по сей день заикается, а матушка последнее время сильно болеет, а отец у меня, между прочим, не был каким-нибудь фуфлыжником, а возглавлял на стройке лучшую бригаду, выполнял досрочно план, и мы ждали переселения в отдельную квартиру. А сколько зданий построено при его участии! Вот за все это товарищ Джугашвили, он же Сталин, таким образом отблагодарил одного из лучших строителей области.

Колян сильно покраснел и ни разу не прервал монолог Жорки, он только заметил, как сильно повзрослел его знакомый за эти месяцы: совсем другой взгляд, появилась какая-то уверенность и легкое равнодушие ко всему происходящему.

– А что дальше? – поинтересовался Николай.

– Да ничего. Я рассчитывал, будто наши правоохранительные органы, самые справедливые в мире, разберутся, извинятся и отпустят батю. В конце концов, товарищ Сталин скажет свое веское слово, ведь ему до всех есть дело. Но отцу быстренько впаяли «десятку» без права переписки и отправили по этапу в дальние края. И никто не заступился, представляешь?

Сестры постоянно плачут, а я в последнее время встаю в пять утра и за гроши помогаю разгружать товар в соседнем магазине. Такие вот дела.

– Власть не может ошибаться у нас в стране, – уже с легким сомнением тихо ответил Крапивин.

– Ты, наверное, замерз сидеть? Пойдем дальше. В заключение скажу так: никто не застрахован от беспредела, который организовал сам вождь народов.

Ребята дошли до соседней улицы и стали прощаться. Жорка крепко пожал руку приятеля и добавил: «Думаю, сегодняшний разговор ты еще вспомнишь, а беседовать на эту тему с тобой мне не страшно, потому что уверен, что такие ребята никогда не стуканут». Георгий по-доброму улыбнулся и зашагал домой.

Еще десять минут спортсмен стоял неподвижно, словно приходил в себя после сильного нокаута.

III

Придя домой, Колька привел себя в порядок, поел и сел за уроки, но в голову науки не лезли. В ушах звучал разговор с бывшим врагом, а на самом деле неплохим и добрым пацаном.

Домашнее задание все же пришлось доделать, а потом будущий летчик (именно в авиационное училище хотел поступить Николай после школы) лег на диван и, не закрывая глаз, продолжал размышлять.

Через полчаса в комнату сына зашел Игорь Сергеевич и присел на край дивана.

– О чем задумался, будущий офицер?

Сын ответил не сразу:

– Скажи, папа, а почему в жизни столько несправедливости и лицемерия?

– Судя по этому вопросу, ты начинаешь взрослеть.

Затем сын подробно поведал о беседе с Жоркой, при этом отец его ни разу не перебил.

– Послушай, Коля, это очень сложный вопрос и за полчаса все не обсудишь. Даю тебе слово, завтра подробно все обговорим, и я выскажу личное мнение, договорились?

– Хорошо, папа, спокойной ночи.

– И еще, обещай, прежде чем публично что-то говорить, сначала хорошо подумай.

– Да, да, все понял...

Игорь Сергеевич аккуратно вышел из комнаты и пошел на кухню выпить чаю.

Татьяна Викторовна внимательно на него смотрела.

– Игорь, что-то случилось?

– Случилось. Просто наш сын взрослеет не по дням, а по часам.

– И как же ты будешь ему объяснять все нюансы деятельности Сталина и Берии?

– Даже не знаю, Тань, но попробую доступным языком. А вообще, нельзя сразу выдавать море информации, тем более, ребенку. Побеседовать придется несколько раз.

– Расскажи ему, как мы регулярно ждем дома появление НКВД, – с улыбкой посоветовала жена. – Давай, не будем на ночь портить настроение и пойдем спать.

Допив чай, супруги пошли в спальню отдыхать.

VI

Весна прошла быстро. Николай подрос еще на несколько сантиметров. Шли выпускные экзамены в школе. Отец работал по 10-12 часов.

С пацанами сейчас виделись нечасто: все занимались своими делами, так как многим вскоре придется устраиваться в жизни, куда-то поступать...

Все тревоги и сомнения потихоньку улетучились. Все мысли у Крапивина были о летном училище, и казалось, никто и ничто не может помешать этой светлой и патриотической

мечте. В апреле, он выбрал время и в местном аэроклубе совершил три прыжка с парашютом. Во второй половине июня ученики в торжественной обстановке получили аттестаты. Потом – праздничный вечер, прогулка по родному городу...

Домой будущий курсант пришел около 6 утра. Улыбка не сходила с Колькиного лица. Где же родители?

Мать сидела на кухне с заплаканным лицом и неподвижно смотрела в окно. Николай сразу почувствовал недоброе и молча встал перед кухонным столом.

– Что случилось? – с волнением спросил сын.

– Отца арестовали вчера вечером на работе.

– Ночью провели обыск у нас дома, увезли два ящика каких-то бумаг, не знаю даже, что теперь делать...

Мальчишка сел рядом и молча смотрел на мать. Гнетущая тишина длилась около десяти минут, затем Татьяна Викторовна быстро встала и ударила рукой по подоконнику.

– Хватит впадать в депрессию, надо думать и что-то быстро решать.

– Мам, а с военным училищем все?

– А ты сам как думаешь?

Впервые за последние годы у Николая на глазах появились слезы. Он ни разу не заплакал на ринге и тем более в драках на улице. А здесь такой шок и крушение всех надежд. С авиацией теперь все кончено, его туда уже, наверняка, не возьмут. За что? Почему именно их семье выпало такое испытание?

Неожиданно раздался стук в дверь – на пороге стояла соседка Римма Вячеславовна, она работала с Крапивиной в одной школе.

– Татьяна, я не могу не сообщить тебе важную информацию. Вчера, когда от вас уходили сотрудники органов после обыска, то мне удалось совершенно случайно услышать их разговор. Так вот, ваш сосед снизу Криворучко говорил, будто на следующий день вечером арестуют и тебя, дескать, ваша семья давно ему не нравится и пора их сажать всерьез и надолго.

– Не может быть, Римма, ведь как ни как он наш хороший знакомый и постоянно говорил о дружбе, обещал помочь, если что...

– Так вот что, Танюша, бери сына, захвати самое необходимое с собой и вали срочно из города куда-нибудь подальше, иначе будет беда, а за квартирой я присмотрю. А потом, может быть, все рассосется потихоньку. Езжай и не думай.

– Спасибо тебе, соседка. Вот один комплект ключей от нашего жилья. Если будут спрашивать, где мы, то между делом ответь, якобы слышала случайно разговор о нашем отъезде в Москву, хорошо?

– Умная ты женщина и подашься, наверное, совсем в другую сторону, – с улыбкой предположила соседка.

Татьяна Викторовна хотела что-то сказать, но Римма Вячеславовна перебила ее:

– Не надо, не говори о своем маршруте, а то вдруг на меня наедут и заставят все рассказать. Я женщина слабая, могу и не выдержать.

Подруги обнялись и расстались на очень долгое время.

Мама с сыном оперативно собрали самые необходимые вещи, документы и деньги, которые не нашли при обыске, а ранним утром без особой суеты и шума вышли из подъезда.

V

Двадцать первого июня поезд Челябинск-Куйбышев мчался по рельсам с огромной скоростью. Татьяна Викторовна и Колька взяли с собой по чемодану. Им удалось договориться с проводником, и она посадила их без билета, за наличный расчет. Довольны оказались обе стороны, так что в случае какой-либо проверки ничего установить не удастся. Уютные места в

купе и стук колес немного успокаивали мать и сына. Каждый думал о своем. Николай закрыл глаза, откинул голову к стене и размышлял мысленно про живущего в их доме сотрудника НКВД Криворучко: «Как я мог ошибаться насчет него? Сколько оказывается в жизни подлости и несправедливости». Почему-то ему вспомнился разговор с Бардиным. «...а Жорка оказался прав (Крапивин тогда не верил словам приятеля), вот так повернулась жизнь». Опять Колька представил улыбающееся лицо Дмитрия Олеговича. «Но нет, прощать этому негодю такие вещи я не буду!» – с этими мыслями боксер задремал.

Его мать тоже пришла в себя, и паника после ареста мужа немного улеглась. Они ехали к ее тетке в славный город Куйбышев. Татьяну Викторовну волновал только один вопрос: не предала ли она мужа своим быстрым отъездом? «А что можно сделать? Скорее всего, если бы не появление соседки с важной информацией, то само собой утром пришлось бы идти в НКВД узнавать о судьбе Игоря Сергеевича, а там, наверняка, ее приняли бы по полной программе и посадили бы в одну из камер местного изолятора. Вскоре и она уснула. Сон просто свалил ее, сказала бессонная ночь...

Поезд ехал больше суток и прибыл с небольшим опозданием. Крапивины вышли на перрон самые последние. Они сразу почувствовали, что горожане ведут себя как-то суетливо, нервно и почти у всех опущены головы. Кто-то шептал, кто-то просто кричал: «Война, война, война...». У каждого эти слова вызывали разные ассоциации: молодежь рвалась в бой и боялась, будто без них успеют разбить врага, женщины плакали, понимая только то, что скоро им предстоит расставание с любимыми мужчинами, мужьями, сыновьями и другими родственниками. Вот такой обстановкой встретил Крапивиных древний город на Волге.

Долго ждали автобуса. Потом ехали около часа в переполненном транспорте. Разговоры шли только о внезапном нападении Германии на Советский Союз.

У тетки Марии Ивановны они оказались лишь к вечеру. Ее довольно большой частный дом располагался на окраине Куйбышева и весь утопал в зелени. Яблони, груши, слива, много вишни...

Своих родственников тетушка встретила с большой радостью. Ее единственная дочка училась на врача в Москве. Мужа, инженера-строителя, арестовали год назад, правда, тот отделался легко и сейчас находится в ссылке на Урале. Ее не подвергли репрессиям, скорее всего потому, что несильно наказали супруга. Сейчас все мысли Марии Ивановны крутились вокруг одной проблемы, лишь бы дочь не тронули и дали спокойно получить диплом. Война, по всей видимости, заставит НКВД отстать от многих обычных людей и заняться реальным делом, по которому специальные органы явно истосковались за последние пять лет.

Тетка жила неплохо, прежде всего, за счет личного хозяйства. Продавала на рынке свой урожай: клубнику, вишню, огурцы, помидоры и, конечно, картофель. Кроме того, она умудрялась в одиночку держать корову по имени Малышка. Молоко раскупалось хорошо, особенно жителями центра. Все это давало возможность отправлять дочке немного денег на пропитание и одежду. Дочь Светлана заканчивала ВУЗ в этом году и, благодаря помощи матери, у нее не было особых проблем, в отличие от многих ее однокурсников, живших с ней в общежитии. Все это являлось весомым фактором хорошей учебы студентки.

Вскоре все трое уселись за большим столом в красивой беседке. На столе появилась клубника, домашнее молоко и ароматный белый хлеб.

– Татьян, я все вижу. И сразу поняла, только взглянув на тебя. Что случилось? Говори!

– Игоря арестовали, тетя, – и по лицу племянницы потекли слезы.

– Вот сволочи, не дают покоя людям! В чем мой Слава провинился?! Работал на стройке, участвовал в строительстве нескольких школ. А арестовали его только за то, что не захотел вступать в партию. Хорошо, что хоть жив родной и даже письма сейчас пишет...

Тетка нервничала и возмущалась все сильнее.

– А теперь эта война... – продолжала хозяйка. – Одного боюсь – мужа не увижу долго. Ну что я о себе. Тебе, моя дорогая, тяжелей вдвойне. Плохо, когда неясность и неопределенность. Ладно, Бог он все видит и всем этим уродам воздастся по заслугам!

В ее словах чувствовалась уверенность, и Колька почему-то сразу ей поверил и за судьбу отца стал меньше волноваться.

– Тетя, мы у тебя тут немного поживем, пока обстановка успокоится? – уже спокойным голосом спросила Татьяна Викторовна.

– Живите столько, сколько надо. И мне веселей, и по хозяйству поможете.

– За это, тетя Маша, не беспокойтесь! Будем помогать, – встав, ответил Николай.

– Какой ты взрослый, милоч! – улыбнулась хозяйка. А потом, заплакав, тихо добавила:

– Ведь заберут скоро на фронт....

Плотно перекусив, гости пошли отдыхать в уютный сарай, расположенный в конце сада под большой яблоней. Здесь стояли две широкие кровати, а в углу – небольшое хранилище с зерном. Под самым потолком висели дубовые и березовые веники для бани. На улице слышалось звонкое и мелодичное пение птиц. Под напором легкого ветра шелестели листья деревьев. Заканчивался первый месяц лета.

– Мама, а папу не расстреляют?

– Я верю, что нет. Ты посмотри, с какой уверенностью об этом говорила наша тетушка!

– Чтобы не случилось, как бы жизнь не повернулась, я его обязательно спасу!

– Знаешь, Колька, я верю, что у тебя все получится. За эти несколько дней ты стал настоящим мужчиной. Только обещай: сначала думать, а потом делать.

– Обещаю, мама....

– Обидно другое. Наш сосед Криворучко во время обыска помимо документов забрал себе все наши драгоценности, в том числе ювелирные изделия, которые достались мне еще от прабабушки. А это ведь дорогие бриллианты....

– А как же он не забрал все наши деньги, мама?

– Ничего подобного, часть средств тоже нашли, а основную заначку удалось спасти. Просто повезло!

– Ладно, рано или поздно я этого урода с гнусной физиономией достану и верну все наши вещи, плюс он возместит еще моральный ущерб по полной программе....

Вскоре они заснули, не обращая внимания на дождь, мелкой барабанной дробью стучащий по крыше сарая.

IV

Вначале июля Николай, взяв документы, отправился в военкомат. Об этом, само собой, никому не сказал. Очередь выстроилась там огромная, стоять пришлось около пяти часов. Хорошо, что в кабинетах принимали несколько офицеров.

Уже пожилой военный устало посмотрел на парня, а потом, не поднимая головы, спросил:

– Возраст?

– Дело в том..., – начал Крапивин.

– Возраст, – повторил мужчина.

– 17 лет!

– Свободен пока, придешь попозже.

Колька вышел на улицу немного расстроенный. Пройдя пару километров, он увидел большой портрет Сталина, висевший на каком-то здании. Сразу же вспомнил арестованного отца, а дальше произошло необъяснимое. Он поднял с земли кусок кирпича и запустил им в вождя народов. Цель удалось поразить «в яблочко». Стрелок не заметил вышедших из-за угла двух милиционеров.

– Стоять, сволочь! – раздался крик.

И стражи порядка бросились вдогонку за мальчишкой.

Крапивин рванул в сторону что было сил. А бегать он умел хорошо благодаря занятиям спортом. Впереди оказался небольшой проулок, и хулиган нырнул туда. Бежавшие следом в двадцати шагах стали отставать. Колька маневрировал. Повернув неожиданно в сторону, он перемахнул через довольно высокий забор, перебежав узкую дорогу. Опять побежал по тропинке между высокими зданиями.

Через 5 минут люди в форме окончательно отстали. Парнишка увидел грузовик, ехавший в сторону тетки. Машина двигалась не столь быстро, поэтому мальчишка успел запрыгнуть в кузов. Через некоторое время пришлось выскочить на повороте, ибо город он знал недостаточно хорошо. Через час, взволнованный, но в хорошем настроении, Крапивин заявился домой.

– Что с тобой? – удивилась мама. – Ты весь в репьях, а на рубашке дырка.

– Все нормально, потом расскажу, – ответил сын и пошел в сарай.

Только через час он успокоился, очистил одежду и вернулся в дом.

С большим удовольствием Николай съел большую тарелку борща с черным мягким хлебом, от картофеля отказался, а вот молока выпил на ура. Потом сел в беседку и открыл книгу на немецком языке. Читал он лишь полчаса, затем поел с грядки немного клубники. Во дворе стоял свой колодец; сделав несколько глотков прямо из ведра, Крапивин так и не мог понять, правильно ли он поступил, метнув кирпич в портрет Сталина. «Да, конечно, ведь он посмел арестовать его отца, самого честного человека, который любил и хвалил этого руководителя. А правильно, что я пошел в военкомат? Здесь однозначно: родина и Сталин – это не одно и то же!».

Так парень рассуждал минут тридцать, прогуливаясь по огороду. Вывод сделать удалось такой: только оказавшись на фронте, он реально сможет помочь папе, правда, каким образом, ответить не мог. Раз цель поставлена, и другого выхода все равно нет, надо добиваться ее любым путем, а в своей правоте сомнений у Кольки не было.

Вскоре пришла тетя Маша. Сначала рынок, потом магазин, кое-что купила из продуктов. Подарила мальчишке светлую рубаху, маме передала пакетик с одеждой для нее.

Перед сном за вечерним чаем сели обсудить прошедший день.

– В городе творится что-то непонятное! Все куда-то спешат. У каждого свои планы и размышления о будущей жизни: кому как поступить. А перед военкоматом огромная очередь. Такие вот дела..., – сообщила тетушка.

– Я тоже пойду в армию, – гордо заявил сын.

– Татьяна, Колька, только не сейчас! Подожди чуть-чуть. Родину есть пока, кому защищать и без тебя, – посоветовала тетя Маша.

– А я пойду воевать не столько за родину, сколько за себя и за свою семью. За отца, за мать...

– Пойдем спать, сынок, – спокойно предложила Татьяна Викторовна.

– Хорошо, мама! – так же спокойно ответил мальчик.

Мария Ивановна осталась стоять на крыльце с немного приоткрытым ртом, держа руки на поясе, ничего так и не поняв...

Разговор продолжился, когда стемнело. Женщина хорошо знала характер сына и не начала первой беседу. Через несколько минут Николай подробно рассказал матери обо всех приключениях сегодняшнего дня.

– Да! – удивилась Татьяна Викторовна. Мы же договаривались сначала думать, а потом делать?!

– Согласен! Но все произошло неожиданно. И я сам до конца не осознал глубину своего поступка.

– А, если, Колька, вдруг тебя бы поймали? Знаешь, что тогда могло случиться? Ты подставил меня, тетю Машу, а тем более не смог бы никогда помочь отцу.

– Больше такого не повторится...

Беседа длилась еще около часа, но с решением идти в армию мама согласилась. Ибо это дает шанс спасти Игоря Сергеевича. Вскоре они уснули. Очередная ночь на Куйбышевской земле оказалась тихой и спокойной, сон длился аж до десяти утра, правда, только для мальчика...

Колька проснулся от громкого пения птиц. Мама отсутствовала, ее кровать была аккуратно заправлена. На столе лежала записка, где говорилось о том, что женщины пошли на рынок. Полотенцем накрытый завтрак находился в беседке на столе. Быстро перекусив, Николай взял приготовленный тетей мешок. Набил в него песок и землю. Повесил его на турник, сделанный ранее мужем Марии Ивановны. Боксерские перчатки лежали в дорожном чемодане.

Крапивин работал с самодельной грушей около часа. Сначала представлял перед собой лицо негодяя Криворучко. Потом Берию. Затем Гитлера и даже Сталина. Далее пошли прыжки со скакалкой, приседания... Тренировка завершалась упражнениями на турнике.

Вода в бане оказалась чуть теплой, так как мать натопила ее еще вчера.

В военкомат парень сегодня не пошел. Этот визит он решил отложить на две недели.

Колька прогуливался по саду и незаметно для себя начал разговаривать вслух на немецком языке со своим отцом. Вспомнился разговор двухмесячной давности. Тогда тот сказал сыну следующее:

– Послушай меня, война не за горами. Это всего лишь дело времени, поэтому кроме спорта учи еще немецкий язык. Придет такой момент, когда он тебе пригодится.

– А как же Сталин? Тот говорит, что на нас никто не нападет? – спрашивал парнишка.

– Могу на эту тему говорить долго, но ничего уже поменять нельзя, ясно?

– Такая ситуация или такие у нас руководители? – не успокаивался сын.

– Думаю, сам разберешься, когда окажешься в сложной ситуации, – улыбался папа.

День продолжился чтением книги на немецком языке. Время пролетело быстро. Вечером пришли мама и тетя с тяжелыми сумками.

– Как дела, герой? – спросили они одновременно.

– Занимался всем понемногу. Да только чуточку устал.

Сели ужинать. За трапезой вспомнили прошлое, как в июле несколько лет назад семья Крапивиных приезжала в Куйбышев. Мужчины ходили на рыбалку, а потом варили уху. Ели фрукты и овощи со своего огорода, запасаясь витаминами на всю зиму. Уезжая, брали с собой варенье и другие дары сада тети Маши.

Остальные летние дни шли в таком же режиме. Колька периодически ездил в город с женщинами. Две недели пролетели незаметно. Ранним утром Николай отправился в военкомат. В этот раз он попал на прием к офицеру еще до обеда.

Удивительно, но за столом сидел тот же военный, который принимал его первый раз.

Сегодня мальчишка сменил тактику разговора и сразу перешел в наступление.

– Я в совершенстве владею немецким языком и являюсь разрядником по боксу. И скоро мне исполнится восемнадцать лет.

На этот раз командир внимательно посмотрел на посетителя и спросил:

– Как зовут?

– Николай.

– Фамилия?

– Крапивин.

Военный еще раз пристально взглянул на высокого, мускулистого и уверенного в себе парня, а потом куда-то позвонил.

– Слушай! А когда обещал появиться Бочаров Николай Николаевич? Понял-понял... – отвечал хозяин кабинета. – Просто нашел по его просьбе подходящую кандидатуру.

– Короче так! Придешь через пятнадцать дней, хотя давай адрес. Если процесс ускорится, то пришлем за тобой посыльного. Понял?

– Так точно! – почти прокричал спортсмен.

– Вообще жди вызова, а сейчас – свободен! Зови следующего...

Крапивин домой не шел, а летел, словно на крыльях. И вдохновение на его лице было заметно как никогда.

Дома все отсутствовали. Поев борща и выпив молока, Николай взялся за чтение книги. Потом длительная спортивная тренировка, которая одновременно с физической усталостью принесла ему огромное удовольствие и отличное настроение.

Вечером за ужином призывник сообщил последние новости маме и тете. Те встретили это сообщение спокойно. Мария Ивановна опять всплакнула, а потом сказала:

– Проклятая война! Может, еще все обойдется? И немцев разобьют без тебя?

– Это вряд ли, – добавила Татьяна Викторовна.

– Ладно, придет время – посмотрим. А пока поможешь по хозяйству, – утвердительно произнесла хозяйка дома.

Парень и не возражал, а наоборот, он был даже рад.

Дни полетели быстро и незаметно. Проходили они однообразно: хозяйство, спорт, книги. Только двадцать пятого июля вечером в дом постучали. На пороге стоял парень с красной повязкой на руке.

– Завтра в 10.00 Вам необходимо прибыть в военкомат в кабинет №4.

Настроение, как ни странно, у всех было хорошим. Мама с улыбкой сказала:

– Все плохое уже произошло в наших семьях. Теперь все будет наоборот.

– Чтобы не случилось, и как бы не повернула судьба, помни, Колька, в моем доме всегда тебя ждут, – уверенно добавила Мария Ивановна.

Спать легли поздно, а утром женщины проводили Николая до ворот, собрав сумку с одеждой и едой.

Волнения никакого не было, была лишь уверенность в правильном решении. Крапивин не сомневался, что это лишь первый шаг, который поможет вновь объединить всю их дружную семью.

Маргарита Шишкова 1939г.

V

В 9:55 мальчишка постучал в нужный кабинет. За столом сидел высокий и широкоплечий мужчина лет тридцати пяти. Внимательно посмотрев на посетителя, он встал, подошел к нему и протянул руку.

– Подполковник Бочаров.

– Николай Крапивин, – уверенно ответил парень.

Беседа продолжилась за столом. Неожиданно офицер заговорил по-немецки, призывник спокойно и без суеты отвечал, при этом ни в чем не уступая командиру.

– Хорошо, а что у нас со спортом?

– Бокс, стрельба, – ответил Николай и показал книжку разрядника.

– Тоже неплохо, и возраст подходящий. Немного подучим тебя, а потом станешь настоящим бойцом-разведчиком Красной армии.

После этого Бочаров вышел, а Николая оставил заполнять несколько бумаг. Хорошим почерком строчки ложились одна за другой. Лишь в одном месте спортсмен не указал правду, это касалось его отца. В конечном итоге это решение оказалось верным, так как в первые дни войны многим было не до проверок.

Вечером еще новый грузовик мчался по дороге в неизвестном направлении. В кабине сидел сам Бочаров, а в кузове расположились пятеро молодых спортивного телосложения ребят.

Только через три часа группа оказалась в лесу. Проехав еще минут пятнадцать, грузовик остановился у какого-то здания.

– К машине, – последовала команда.

Будущие красноармейцы оперативно оказались внизу.

– За мной, – скомандовал офицер.

В центре большого помещения стояло двадцать кроватей, которые пока пустовали. Посетители разместились в углу у стены, и все быстро познакомилось. Призывники оказались из Куйбышевской области, и только один Николай был из Челябинска. На следующий день появилось еще несколько молодых людей. С ними прибыл молодой и высокий старший лейтенант. Именно в этом составе небольшое подразделение приступило к тренировкам. Бег, рукопашный бой и многое другое. Отдыхали они лишь после ужина. Через неделю все поехали на стрельбы, на большой загородный полигон. Там бойцы провели почти целый день, но усталости не было, всем было интересно и даже немного весело.

Больше месяца продолжались разносторонние занятия и постепенно прибывали новые красноармейцы.

Только в конце августа отряд под руководством подполковника Бочарова и старшего лейтенанта Фрумкина на поезде отправился в сторону Москвы. Ехали долго, постоянно останавливаясь, а составы шли и шли в сторону столицы...

Будущие разведчики приехали в древний русский город Рязань. База уже довольно большого подразделения в составе ста человек располагалась в пригороде, в старом пансионате. Занимая свободные кровати, приезжие шутили и рассуждали о скорых военных операциях, в которых им, наверняка, придется участвовать. Взгляд Крапивина привлек здоровый плотный парень его возраста, сидевший к нему боком у дальней стены и пришивавший пуговицу к своей гимнастерке. «Не может быть! Это же Жорка Бардин! Невероятно... А он как здесь оказался?»

Сделав десять шагов, Колька подошел к знакомому красноармейцу и с улыбкой произнес:

– Сударь, вы ли это?

Георгий встал и некоторое время стоял в недоумении, а потом с доброй улыбкой ответил:

– Милорд, сама судьба нас свела в это сложное время.

Они обнялись как старые друзья, будто между ними не случилось драк и других непоняток.

Земляки вышли на улицу и расположились в небольшой беседке, долго смотрели друг на друга, не веря в случайную встречу.

– Ну что, какими судьбами? – спросил Бардин.

– А дела такие, – и Крапивин в течение получаса изложил, что происходило с ним за последние два с половиной месяца.

– Да, как жизнь людей крутит, – ответил Жорка. – А в армию ты попал примерно так же, как и я. И в анкете ты, естественно, скрыл про арест бати?

– Именно так, а по-другому сейчас нельзя.

С этого дня у земляков начался новый этап жизни, и чем он закончится – никто знать не мог.

Обучение проходило нелегко, но очень интересно. Топография, прыжки с парашютом, рукопашный бой и многое другое, что могло пригодиться разведчику в тылу врага.

В один из вечеров приятели сидели на скамейке у забора. Бардин затянулся папироской, а Крапивин не курил из принципиальных соображений.

– Вспоминаю детство и думаю: какие мы глупые были, что-то делили, постоянно дрались, – с легкой грустью начал Георгий.

– Я же последнее время старался учиться, получать хорошие оценки, чтобы поступить в военное училище, но жизнь распорядилась по-другому, – продолжал Николай. – А ты не в курсе, как там наши общие знакомые?

– Про всех не скажу, знаю, что твои всем классом пошли в военкомат. А Зайков перед войной попал в милицию. Старшая «блатота» заставила его влезть через форточку в какой-то магазин. В конечном итоге они все разбежались, а органы приняли лишь Витька.

– Наверное, сбылась его давняя мечта оказаться в тюрьме? – констатировал Колька.

– А в разведку меня взяли из-за большой физической силы. Отказываться не стал, видимо, это судьба.

– В Рязань ты как попал?

– У меня здесь живет бабка, и мать во избежание всяких трудностей отправила меня с сестренкой к ней. Проживает она в деревне, свое хозяйство, где мы немного поправили здоровье. Само собой в начале июля пошел в военкомат, ибо все дороги вели только в этом направлении...

Учеба длилась до середины сентября, а уже двадцатого числа группа из двадцати человек во главе со старшим лейтенантом Кириллом Фрумкиным была готова для выполнения боевой задачи в тылу врага.

VI

Темной осенней ночью транспортный самолет вылетел в сторону Белоруссии.

Задача отряда под командованием Николая Бочарова состояла в том, чтобы в районе населенного пункта Сосновка организовать серьезный партизанский отряд, основой которого должны стать подчиненные подполковника.

Сейчас в эту местность летели разведчики, которые должны были разведать обстановку в здешних лесах и только после этого вызвать по рации остальных бойцов во главе с командиром.

Старший лейтенант Фрумкин, мастер спорта по борьбе, с отличием окончил командное пограничное училище, и это первое его боевое задание. Само собой в самолете находились Крапивин и Бардин, так как добровольно решили отправиться в разведку.

Друзья отличались трудолюбием в изучении военных наук и очень многого достигли, поэтому возражения у командования в отношении этих ребят полностью отсутствовали. Парашютисты расположились на борту в два ряда, и почти все спали. Каждый переживал и думал о том, что их ждет в тылу врага. Успешно преодолев линию фронта, пилот дал команду к десантированию.

С небольшим интервалом десантники один за другим уходили в неизвестность, погода стояла теплая, но пасмурная, на небе не было видно ни одной звезды.

Сильный поток ветра ударил в лицо Крапивину, волнение достигло своего пика, но раскрывшийся купол парашюта заметно успокоил красноармейца. Внизу было очень темно и не видно никаких огней. Это говорило о том, что приземление будет в глубокий лес.

Приближение земли Николай почувствовал метров за сто-сто пятьдесят, правильно сгруппировался, как учили инструкторы, но, тем не менее, удар о землю оказался достаточно сильным. Оперативно собрав парашют, Колька двинулся навстречу товарищам.

С местом приземления повезло не всем, и если Колька и другие красноармейцы попали на лесные поляны, то Бардин и радист Зеленков реально зависли на высоких деревьях. Лишь через час спецподразделение собралось в полном составе, и после того, как Фрумкин поработал с картой, группа выдвинулась в нужном направлении. Дозорные, Николай и Жорка, уве-

ренной походкой прокладывали путь своим друзьям, и только ранним утром командир объявил долгожданный привал.

Бойцы открывали свои еще непочатые сухпайки, приводили в порядок обувь и устраивались на отдых.

Через два часа где-то вдалеке послышался какой-то шум.

– Крапивин, Бардин, ко мне, – приказал Фрумкин.

– Так точно! – почти одновременно ответили разведчики и подошли к командиру.

Разница в их настроении была заметна невооруженным глазом: в Кольке виделся энтузиазм и интерес, а Жорка, напротив, был с недовольной физиономией из-за того, что его лишили возможности доесть свой завтрак и немного вздремнуть.

– Задача такая: аккуратно выйти в данном направлении, сориентироваться на местности, потому что точное наше местонахождение установить очень сложно и провести разведку окрестностей.

Несмотря на усталость, двое дозорных пошли вперед.

Погода стояла теплая, солнце припекало как в июле. Появились небольшие стаи мошек и комаров. В полдень красноармейцы вышли к большой проселочной дороге и залегли за густым кустарником. В течение часа проехали три немецких мотоциклиста, грузовик с солдатами и два БТРа. Вскоре послышался стук колес деревенской повозки. Из-за поворота выехали две женщины, сидевшие на телеге, которую тащила старая изможденная лошадь. Через несколько минут перед ними с двух сторон неожиданно появились разведчики. Местные жительницы с большим удивлением смотрели на странную одежду молодых людей.

– Дамы, вы, конечно, извините, но у нас к вам имеется очень серьезный разговор, – с улыбкой сказал Крапивин.

– Другого выхода у нас нет, я понимаю? – предположила старшая.

– Все правильно, поэтому давайте быстренько свернем в лес, – посоветовал Бардин.

– Неужели наши? – поинтересовалась другая.

– Так точно, – ответил Николай и, взяв под уздцы лошадь, повел ее от дороги.

Беседа получилась долгой и очень интересной. Оказывается, разведгруппа очень существенно отклонилась от заранее намеченного маршрута, и до населенного пункта Сосновка от их привала было около пятидесяти километров. Женщины очень помогли красноармейцам, и так как они часто ездили по округе, то рассказали ребятам, в каких населенных пунктах находятся немцы и примерно в каком количестве. Поблагодарив своих новых знакомых, узнав их адреса и сделав пометки на карте, друзья отправились в обратный путь. Повезло разведчикам еще и в том, что женщины постоянно жили в деревне Заречье в десяти километрах от Сосновки, и они пригласили солдат в гости, если появится такая возможность.

Друзья без проблем пересекли дорогу и быстрым темпом прошагали до своего отряда. Служивцы встретили Георгия и Николая с большой радостью, и сам Фрумкин был рад не меньше других. На развернутой карте доклад длился около двадцати минут, после чего разведчики получили команду на отдых. Наломав еловых веток, друзья смастерили себе небольшие кровати. Сверху натянули плащ-палатки и, немного поев, легли отдыхать.

Вечером разведгруппа должна будет двигаться в сторону пункта назначения, который определило командование.

VII

Стало темнеть. Сразу же прозвучала команда старшего лейтенанта на построение. Внимательно осмотрев каждого подчиненного, Фрумкин приказал идти в сторону Сосновки.

В дозоре шагали Крапивин и Бардин. Своими недавними действиями они заслужили доверие командира и всего отряда. Разведчики находились в прекрасном настроении, стояла

хорошая погода, а на небе яркими огнями сияли звезды, которые находились в пределах видимости с земли.

Ранним утром подразделение вышло в постоянное место дислокации, а именно, в густой лес в десяти километрах от Сосновки. Место расположения будущего партизанского отряда оказалось очень удачным. С воздуха обнаружить красноармейцев практически невозможно, да и подобраться к ним врагу со стороны близлежащих деревень без трудностей вряд ли удастся.

Радист Алексей Зеленков получил команду от командира выходить в эфир и написал текст-сообщение, которое должно уйти вышестоящему командованию.

Разведчики после длительного отдыха приступили к благоустройству территории, а Николай и Жорка отправились на поиски удобной площадки для приземления остальных красноармейцев во главе с Николаем Бочаровым.

Друзья с большим воодушевлением исполняли приказы старшего лейтенанта.

– Знаешь, дружище, я давно не испытывал такого удовольствия от проделанной работы, а самое главное – доверие, которое нам оказывают, – сказал Бардин.

– Согласен, совершенно не хочется думать о вожде народов и его окружении... – добавил Крапивин.

– Что же тобой тогда движет? – спросил Георгий.

– Все очень просто. В данной ситуации мне не хочется подводить тех людей, с которыми мы находимся в тылу врага. И поверь, что я даже и не загадываю, что же будет через несколько месяцев.

Общаясь между собой, друзья через несколько часов вышли на довольно обширную поляну размером около двух гектаров. Самолет сюда приземлиться, вряд ли, сможет, так как на поверхности много бугорков и других неровностей, а так же десятка два сломанных деревьев. Но задача ставилась конкретная: найти подходящее место именно для десантирования парашютистов и контейнеров со спецгрузом. Сделав пометку на карте, разведчики в течение еще двух часов обследовали близлежащие окрестности, и, не обнаружив ничего подозрительного, отправились обратно.

На следующий день с товарищами к этой поляне отправился Фрумкин, чтобы лично убедиться в правильности выбранного объекта. Выбор ребят его вполне устроил, да и другие варианты практически отсутствовали.

Из места постоянной дислокации на Большую Землю ушло сообщение о готовности принять остальных людей во главе с подполковником. Ответ из штаба не заставил себя долго ждать.

Разведчиков благодарили за качественную работу и сообщили о прибытии через пять дней остальных десантников.

Ранним утром Крапивин и Бардин отправились на разведку в сторону Сосновки с конкретной задачей: узнать обстановку в семи деревнях и поселках, которые находятся по пути в сторону главного населенного пункта.

Десять человек во главе с сержантом Никитой Чигиным выдвинулись на площадку десантирования для того, чтобы убрать сломанные деревья, разровнять большие бугры и в лесном массиве заранее собрать несколько кучек мусора. Все это во время приземления красноармейцев с воздуха поможет избежать им повреждений рук и ног. С данной работой подчиненные Чигина справились успешно и в полном составе отправились обратно.

У Крапивина и Бардина задача оказалась более сложной, длительной и очень опасной.

Обследовав четыре деревни, друзья не обнаружили пребывания немцев, но полицаи в количестве от десяти до двадцати человек присутствовали в каждом населенном пункте.

Разведчики залегли на высоком бугре в зарослях кустарника. Оттуда они внимательно наблюдали за поселением Дарынка. Друзья видели, что там находятся немцы, которые передвигались по деревне как на технике, так и пешком. Без полной информации возвращаться не хотелось, поэтому пришлось спускаться вниз. Поздним вечером красноармейцы аккуратно и

без лишней суеты двигались по тропинке за огородами граждан, затем, выбрав удобное место, стали ждать. Лишь через час послышался чей-то голос, потом оказалось, что это один из местных полицаев в подвыпившем состоянии возвращался домой и напевал какую-то дурацкую песню. Дальше все произошло быстро и красиво. Перед предателем с доброй улыбкой появился Крапивин и, не давая опомниться врагу, отправил его в глубокий нокаут неожиданным ударом в челюсть. Полицай упал прямо на руки Бардина, который страховал друга. Георгий водрузил пленного на плечи, и разведчики быстро зашагали в сторону леса.

Через несколько часов предатель пришел в себя и очень удивился резкой перемене обстановки: лишь недавно он с женщиной чудно проводил время и пил самогон, а сейчас придется побеседовать с советскими бойцами...

В течение получаса он очень подробно поведал все то, что ему известно, а знал он немало, поэтому друзья решили доставить его в отряд. Обратная дорога прошла без приключений. Предатель быстрым шагом, «на пинках» друзей, двигался впереди, и вскоре Фрумкин еще раз допросил полицая. Теперь стало ясно, где и в каком количестве находились фашисты, а где службу несли изменники родины.

Через несколько дней десантировался подполковник Бочаров с другими солдатами. Все прошло спокойно, и Николай Николаевич похвалил разведгруппу во главе со старшим лейтенантом за отличное выполнение боевой задачи. Еще несколько недель партизаны приводили лагерь в порядок, а потом начались активные боевые и разведывательные операции...

VIII

Теперь у красноармейцев время летело быстро. Удалось установить связь с местными жителями, которые оказались ярыми патриотами и согласились помогать разведчикам. Несколько раз партизаны успешно нападали на колонны немецких войск, захватывали оружие, перехватывали ценные документы, казнили полицаев, которые участвовали в кровавых акциях немецкой армии. В конце 1941 года на груди Николая и Георгия блестели медали «За отвагу».

В ноябре у партизан появилась важная информация о том, что недалеко от Сосновки фашисты организовали небольшой сборный пункт для пленных красноармейцев и гражданских лиц, которых подозревали в лояльности к советской власти. Впоследствии немцы планировали отправить всех в концлагерь на территорию захваченной Польши.

Получив разрешение из Москвы Бочаров, после нескольких дней подготовки, во главе отряда отправился освобождать соотечественников. В дозоре, как всегда, шагали Крапивин и Бардин.

Атаковать врага решено было в полночь. Единственное, чего опасался подполковник, — это немалый гарнизон фашистов. На стороне партизан была внезапность... Поэтому, разделившись на три группы, красноармейцы пошли вперед. Предварительно Крапивин и Бардин сняли часовых, охранявших наших людей.

Бой получился очень тяжелым, так как вечером здесь разместилось дополнительное немецкое подразделение, которое утром планировало двигаться дальше. Николай и Георгий открыли деревянные ворота небольшого лагеря для пленных и приказали всем уходить отсюда, военным предложили брать оружие убитых врагов и помогать партизанам.

Через полчаса боя горели казармы и склад боеприпасов. Фашисты быстро пришли в себя и стали перехватывать инициативу. Бочаров принял решение отходить в лес, до которого надо было еще добраться. Около небольшого деревянного моста Крапивин и Бардин добровольно остались прикрывать отход отряда.

Через двадцать минут перестрелки с гитлеровцами у друзей стали заканчиваться патроны и гранаты. Подполковник с главными силами, наверняка, успел уйти далеко.

– Дружище, уходи вдоль берега этой речушки, а я через пару минут за тобой, – на правах старшего приказал Крапивин.

– Пришли вместе и уйдем также, я тебя не брошу.

– Приятно слышать такие слова, но это приказ.

– Понял и прошу тебя не задерживаться, – с этими словами Жорка спрыгнул вниз и побежал вдоль небольшой речушки, при этом постоянно оглядываясь.

Колька грамотно менял свои позиции и в одиночку уложил еще несколько немцев и собрался догонять друга.

В эту ночь было светло как днем, луна освещала окрестности своим ярким светом. Мощный взрыв в стороне от Крапивина немного подбросил его и сильно засыпал землей. Разведчик потерял сознание.... К нему со всех сторон побежали немцы.

Бардин видел всю эту картину, и понимал, что друга не спасти, так как он, наверняка, погиб...

На месте постоянной дислокации отряда Бочаров и Фрумкин подводили итоги и считали потери. Не вернулись с задания десять партизан, в том числе и Крапивин. Зато наше подразделение пополнилось сорока пленными красноармейцами, что делало отряд более сильным и опасным для фашистов.

Подробности гибели Крапивина офицеры узнали от появившегося с опозданием Бардина, который сам был ранен в левую руку и с большим трудом добрался до своих.

Потеря такого разведчика, как Николай, очень расстроила Бочарова и Фрумкина. Но война есть война, ничего тут не поделаешь. Подполковник решил представить героя к самой высокой правительственной награде (посмертно).

Колька пришел в себя только в расположении у врага. Сильно болела голова, но ни один осколок не попал в него. Спасло партизана широкое дерево, стоявшее рядом, которое приняло на себя основную силу взрыва.

Первые два дня красноармейца много били, пытаясь получить нужную информацию. Затем бросили в большой сырой подвал, где находились еще пятеро наших пленных, которым не удалось убежать от врага во время операции партизан. На следующий день на допрос разведчика не вызывали, что казалось ему очень странным. Николаю стало ясно, что его рано или поздно расстреляют, так как рассказывать про сослуживцев тот не собирался ни под какими пытками. Смерти Крапивин не боялся, но обидным казалось то, что больше никогда не придется увидеть мать, тетю Машу, своих друзей и, самое главное, он не сможет помочь отцу. Но кто бы мог предположить, что события ближайших дней переменят жизнь героя самым неожиданным образом....

IX

Штурмбанфюрер Бруно Мюллер сидел на заднем сидении легкового автомобиля и дремал. Его сопровождали два экипажа мотоциклистов. В Белоруссию он прибыл с целью набора курсантов в разведывательную школу Абвера, которая базировалась в Прибалтике. Этот населенный пункт немецкий офицер решил посетить только потому, что местное гестапо возглавлял его друг детства Ганс Гринвальд.

Прошло достаточно много времени с момента отъезда Бруно из славного русского города Челябинска. Игорь и Татьяна Крапивины даже не догадывались о том, что их приятель и сослуживец работал на немецкую разведку. Самое главное, что после своих подробных отчетов о

деятельности в Советском Союзе он едва не пострадал, т. к. писал правду, и командование заподозрило его в легкой симпатии к СССР.

Тем не менее определенные связи Мюллера в Берлине позволили ему избежать неприятностей и вместо Восточного фронта получить престижную должность заместителя начальника секретной школы немецкой военной разведки. Основной его обязанностью являлась канцелярия учреждения, а именно подготовка документов для заброски диверсантов и шпионов в тыл Красной Армии. Помимо этого начальник заведения доверял ему полностью и поручал миссии по подбору контингента из военнопленных для последующего обучения в Прибалтике.

В восемь утра машина офицера Абвера подъехала к зданию бывшей школы, здесь располагался аппарат Гестапо.

Приятель очень обрадовался долгожданной встрече и приступил к распитию ароматного кофе. Дружеская беседа длилась более часа.

После этого Ганс поинтересовался:

– Как у тебя дела с набором будущих подчиненных?

Бруно, допивая вторую чашку, спокойно ответил:

– Вот хотел начать с вашего небольшого лагеря, но слышал, будто партизаны перебили много немцев и основную часть пленных освободили?

– Твоя информация верна процентов на семьдесят, так как многих бежавших наши солдаты застрелили при попытке к бегству и вернули их обратно. Кроме того, удалось поймать одного русского разведчика...

– Слушай, покажи мне всех арестованных. Может, удастся найти интересные экземпляры?!

– Да без проблем. Построить в коридоре перед моим кабинетом или пойдешь в подвал? – уточнил Гринвальд.

Штурмбанфюрер решил ознакомиться с пленными внизу и в сопровождении нескольких местных полицаев спустился по лестнице.

Через пару минут красноармейцы стояли в длинном коридоре сырого подвала. Бруно не спеша ходил перед русскими, затем произнес длинную речь о выгоде для арестованных, если те станут служить великому Рейху.

Шаг вперед сделали лишь два человека. Автоматчик увел их наверх. Сказав еще несколько слов, Мюллер собирался уходить, но его взгляд остановился на молодом парне, стоявшем с краю. В этом высоком немного худощавом человеке он узнал сына своего хорошего товарища Игоря Крапивина из Советского Союза.

Колька сразу понял, кто есть кто, но не стал подавать виду. Вдруг тот не захочет вспоминать прошлое и общаться с ним.

Штурмбанфюрер обладал прекрасной памятью и моментально принял нужное решение, приказав охране увести советских бойцов в камеру и оставить их наедине с Николаем.

На немецком языке офицер Абвера поинтересовался:

– Какими судьбами, мой юный друг?

– Так получилось, дядя Бруно.

– Не ты ли тот партизан, который уложил большую группу немцев и полицаев, прикрывая отход своих?

– Да, это был я, – подтвердил разведчик.

– Как мать, как отец? – продолжал расспросы Мюллер.

– Отца арестовали прямо перед войной, а мы с мамой едва успели уехать из города, иначе и ее бы посадили тоже.

– Поэтому вы и не приехали в Германию? А мы с Нойнером вас ждали... Слушай меня внимательно, у нас мало времени, и я постараюсь тебе помочь, только делай все, что я скажу. И поверь, это не будет никаким предательством...

Через полчаса заместитель разведшколы беседовал с Гринвальдом в его уютном кабинете под хороший французский коньяк.

– Ну что, Бруно, подобрал кого-нибудь себе?

– Да, три человека согласились пройти обучение в нашей школе, но мне скажи вот что: ты докладывал наверх о захваченном в плен партизана?

Ганс, опрокинув очередную рюмку ароматного напитка, внимательно посмотрел на друга детства, а потом с удивлением спросил:

– Что ты имеешь в виду? Неужели тебе удалось уговорить этого непокорного юношу?

– Именно так, правда, пришлось поговорить с привлечением ряда серьезных аргументов, – ответил Мюллер.

– Ну что же, я не возражаю, забирай его. Во-первых, доклада по поводу него не было, так как он молчал, а что-то сообщать начальству гораздо выгоднее, когда пленные начинают говорить и давать ценную информацию. Во-вторых, я твой давний должник и мне все равно, зачем тебе этот дерзкий русский парень.

Офицеры допили бутылочку «Martell» и стали прощаться...

Немецкий грузовик ехал по разбитой дороге в сопровождении мотоциклистов, в кузове сидели трое красноармейцев, которых удалось завербовать Мюллеру, среди них находился и Крапивин. Перед отъездом ему оказали качественную медицинскую помощь и плотно накормили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.